

ЭЛЬМИРА ХАН

**ЖИРНЫЙ
КУКБАЛЕШ**

Эльмира Хан

Жирный кукбалеш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697426

ISBN 9785005306609

Аннотация

А вы хотели бы стать звездой инстаграма? Или выйти замуж за прокурора? А может, сразу за главу правительства или знаменитого певца? Это роман о судьбе четырех женщин. О том, какую цену приходится платить за желание приблизиться к звездам, получить статус, власть и успех. А ещё в ней есть кенгуру, танцующие голубые гуси в сапожках и тюбетейках, похищения девушек, стрельба и целое стадо прекрасных жирных татарских баранов.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	19
Часть третья	27
Часть четвертая	32
Часть пятая	40
Часть шестая	48
Часть седьмая	55
Часть восьмая	63
Часть девятая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Жирный кукбалеш

Эльмира Хан

© Эльмира Хан, 2021

ISBN 978-5-0053-0660-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Летним вечерком по улице деревни Адайка Кукморского района вразвалку возвращались домой утомленные коровы. Мычали, потряхивая выменем.

Две старушки у дома, напоминающего малахитовую шка-тулку, обитую зефирными завитушками, громко разговари-вали, перебивая друг друга.

Бабушки теребили красочные платочки, сгоняли наглых мух с цветастых платьев и неряшливых фартуков.

Да-да, чистый фартук у татарской бабушки и представить сложно. Главный повар семьи спозаранку стоит у печи, что-бы пухлощекие внучата получили на завтрак свежие ола-душки, да белэши. А у кого-то уже с утра дымятся на столе манты да очпочмаки!

Обед в настоящей татарской деревне у истинных труже-ников полей – не позднее десяти утра. С первыми лучами солнца – утренний намаз. А там и дела насущные. Колхоз – организм сложный, нежный, за каждой тварью нужен внима-тельный уход.

Ну а весь остальной мир в это время сладко похрапывает на перинах...

– Моя невестка – самая красивая на районе, да с руками золотыми! Смотри, какие фотографии в инстаграме! – воскликнула бабушка Апанас. – Мы с ней – не разлей вода! Все

делаем вместе: и на родник за водой, и на посевные работы, и в баню. Даже стрижемся вместе, потому что скидка, если приведешь подругу!

Глаза бабушки Апанас светились гордостью. Бабушка Разилэ посмотрела и пожала плечами:

– У вас и правда все налажено, даже пукаете вместе! Дружно! – хихикнула она.

Бабушка Апанас нахмурилась:

– Что за глупости говоришь! Моя невестка – чистокровная мишарка, культурная и образованная, на людях очень скромная!

Апанас хмурилась одно лишь мгновение, а потом тепло улыбнулась и глубоко задумалась, вспоминая приятные моменты.

– Ей бы писателем быть, твоей, образованной, – бабушка Разилэ заглянула в телефон. – Глянь, что пишет: «Мы с моей свекровью говорим на одном языке. Вчера сидим и смотрим концерт Бараката, и вдруг взрыв – выдохнули огурцы! Мы смеемся, обнялись. Позавчера мы пукали гороховым супом, весело было...»

Бабушка Апанас побледнела, похлопав по карманам, вытащила очки, взяла телефон и продолжила читать: «А до этого у нас с ней была дружеская перестрелка очпочмаками. Казалось, даже Журикай Фурфазин учуял со сцены пикантное дуновение. Он на мгновение остановил песню, прокашлялся и, подмигнув, продолжил петь. Люблю тебя, моя свекровь,

спасибо, что мы с тобой на одной волне. А вы, друзья, любите вашу свекровь?»

Бабушка Апанас схватилась за сердце.

– Бесстыжая! Ну, я ей устрою! Все манты сегодняшние выдавлю! Как я теперь председателю колхоза буду в глаза смотреть, стыд-то какой! Мне за пенсией завтра!

Она решительно встала и поспешила в дом. Разилэ – за ней.

– Ему сейчас не до тебя, ему баранов надо найти! Отчетность! – Разилэ трусила рядом, сверкая золотыми зубами.

Апанас вбежала в дом и накинулась на внучку, которая готовила тесто для кыстыбыя.

– Где эта зараза?

– Кто? – внучка со звонким именем Гульчачак подняла глаза.

– Роза! – Апанас заглянула за печь, а за ней и соседка.

– Не знаю. Не вернулась еще. В магазин вроде ушла.

Бабушка Апанас села на кровать, налила себе воды.

– Бабушка что с тобой? – забеспокоилась Гульчачак. – Неужто баранов нашли и вернули председателю?

– Хуже! – бабушка Апанас заплакала, вытирая кружевным фартуком щеки и нос.

– Пойду, зайду к «козлам», молоко надо забрать, – пролепетала Разилэ и, нарочито важно поправив свой яркий халат, вышла.

– Не забудьте передать «козлам», что «бараны» на них

обижены, пусть деньги вернут! – крикнула Гульчачак ей в спину.

В татарской деревне семьи разделены по прозвищам. По каким критериям их так называли, даже сами жители не ведают, и если вы спросите, почему соседа зовут ялкау этэч¹, председателя – тиле чыпчык², а владелица магазина – матур сыер³ – они с улыбкой пожмут плечами и как-нибудь отшутятся.

Секретарша прокурора шепталась с гостем из Казани.

– Три дня уже здесь ночует. Сверху звонят и теребят. С тех пор как его перевели из Казани в Кукмор, он постоянно под контролем.

Гость понимающе кивал.

– Наталья с ее связями кого угодно в ссылку отправит. Нельзя ей переходить дорогу.

Секретарша улыбнулась ехидно:

– Развелась с главой Правительства Рашидом Нуриевичем с таким скандалом, а все из-за чего? Он Гузель с детства любит! Ну, не был счастлив мужик, с кем не бывает! Так нет! Мстительная стерва! Убрала его с поста! А он – не пошел у нее в поводу! Ради любви ушел в отставку и переехал в де-

¹ С татарского: ленивый петух.

² С татарского: безумный воробей.

³ С татарского: красивая корова.

ревню! И доказал, что он – в крови хан! И его деревня, Нуреево, побила все рекорды Гиннеса по удою и качеству продукции! Доказал бывшей жене, что ханы нигде не пропадут, что бы она там не гавкала, эта фюрерша!.. Ой, подождите, пожалуйста, у Зубазги Мозгаровича сейчас совещание!

Прокурор Зубазга Мозгарович в который раз перелистывал материалы дела. Он посмотрел на холодную чашку и нажал на кнопку вызова:

– Забыла, что чай у нас, как горючее у трактора? Заправлять надо регулярно!

Он потер глаза. В дверь сразу же постучали, и на его столе оказался свежий чай с рогаликами.

– Там к вам гость из Казани, – секретарша говорила тихо, стараясь не раздражать уставшего босса.

– Пусть заходит. – Прокурор налил чай во вторую чашку.

– Салэм, друг Фарид! Угощайся тем, что есть. Какая там погода? – Зубазга Мозгарович развалился в кресле и взял чашку.

– Дожди. Ты чего на улицу вообще не выходишь? – Фарид сел в кресло напротив и с интересом рассматривал наградные спортивные кубки прокурора, стоявшие по правой части стола.

– Выхожу. Позавчера был. Завал. Вон кровать заказал, тут и сплю. А зачем время терять, правильно? Когда бараны тают, как снег, не до сна... – пробубнил Зубазга Мозгарович.

– Отдышался бы, и дело пошло. Нельзя так. Может, ну их, этих баранов? А то носимся с ними, как тогда с китайцами. Помнишь, как мы провожали китайцев с концертом, а бараны оркестру аккомпанировали? Ну, тогда было за что... Нечего честь татарскую позорить и нацию унижать. А то расплодилась саранча! В чужие ворота, как к себе домой! А сейчас-то что? Ну, подумаешь, пропали бараны! Можно же дело закрыть. Сколько их там убежало? Да это просто случка у них!

– У всех пятисот? – Зубазга Мозгарович вздохнул. – Нет, чтобы дело закрыть, нужны основания. Мне народ доверяет, к тому же ОТТУДА звонили. Председатель пожаловался. Обворовали, говорит, меня, а прокурор – воров защищает, не работает!

– Детектив, однако! Шутка чья-то, сто пудов! Или, может, Наталья опять за тебя взялась? С ее связями другого ждать не приходится! – Фарид махнул рукой.

– Наше дело понять, чья это идиотская шутка. Фарид, ты уж прикрой меня там, ладно? И пришли мне сюда парочку твоих красавцев? Прокуратура без ФСБ, как хаммер без крыши.

– В Казани не хватает тебя. Там стоящие дела, для пацанов! А не гуси и бараны! Раскроем это дело – вернем тебя. Мне еще к главе.

Фарид поднялся, обнял прокурора.

Парочка шла по тихой улице, шмякала галошами по грязи. Гульчачак держала Рустама за локоть, а он негромко играл на гармошке-гальянке. В засыпающей деревне слышалось тихое бляение баранов и далекое эхо петушиных криков.

Был поздний вечер. Деревню Адайка ждало затмение.

– Думаешь, и правда увидим луну? – спросила Гульчачак.

Рустам подмигнул, громко закрыл гармонь. Подошел к забору, нарвал кленовых листьев и подарил ей.

– Желтые листья для черных кос похожи на позолоченные чулпы наших бабушек, которые они в косы заплетали, помнишь? – Он потрепал ее по щеке. – Я тебя люблю, мой чернослив. Конечно, увидим, по радио же передавали!

Рустам поцеловал круглый носик Гульчачак и поправил ее расшитый цветами камзол из бархата, обшитый тесьмой и мехом.

– Пошутили, небось. Куда нашей деревне до затмений! У нас только бараны растворяются! Уже это – целое событие! – Гульчачак попыталась «раскрыть» гармонь.

– Тебе не надоело носить этот бабушкин камзол? – Парень взял ее за руки.

– У москвичек таких нарядов нет, они только у кровных татарочек, не стесняющихся своих корней!

– Ну, носи, раз нравится, – пожал плечами Рустам. – А мне пора, скоро вернусь.

– Если у какой-нибудь москвички косы не окажутся длиннее, чем у меня! – Гульчачак отвернулась и надула губки.

– Зачем мне московские цапли, когда здесь меня ждет мой свежий, сочный, мягкий чернослив! – Рустам положил гармонь и обнял девушку. – Ты же будешь ждать?

– Посмотрим. Не будешь писать, то и ждать не буду. – Она вздернула носик.

– Да чего смотреть-то! Свадьба и все! Чернослив мой, полностью и безоговорочно! – Он поцеловал ее за ушко.

– Только ты возвращайся скорее, ладно? – протянула Гульчачак.

Она взяла его руки и поцеловала их.

– Обязательно.

Рустам проводил Гульчачак до дома, сел в «Ниву» и, несколько раз посигналив, с трудом выехал из грязи.

– Узнай там, в Москве, когда нам асфальт проложат! – крикнула ему вслед Гульчачак

Он помахал ей в ответ.

– Ну и дурочка же ты! – услышала Гульчачак за спиной голос Розы.

– У тебя учусь! – фыркнула она.

– Неужели ты думаешь, что у него есть перспективы? Я бы постеснялась даже стоять рядом с «Нивой», не то что сесть! Не вернется он из Москвы, зря флюиды свои расплескиваешь! Давай я найду тебе жениха с будущим, местного, у ме-

ня есть такие подписчики! – подмигнула Роза и поправила прическу, одернула красное платье, расшитое бежевыми рюшечками.

– А рядом с комбайном мужа не стыдишься стоять? Или мы любим колхоз только в инстаграме, да? Твои подписчики – стадо ослов! Ты еще и свекровь убедила сделать фотосессию! Я не ожидала, что и она туда же! А все возмущалась, что стыд и позор до гроба! Верещала, как резаная курица! – Гульчачак встала в позу, косички волнительно трепыхались на груди.

– Дворняжка ты моя первобытная! Да, сегодня фантик ценят больше начинки! – оскалилась Роза. – А свекровь только и мечтает, чтобы я выиграла конкурс «Невестка – сахарок!». Кто ж не хочет в Крым на халяву! Плюс нос утрем соседкам! – Роза расстегнула пуговку платья на груди, вздохнула и добавила. – Надо к председателю сходить, выходной взять, а то новая фотосессия, а у меня – удой. Боже, когда же я начну жить, а не доить! – Роза развела руки, обращаясь к небу. – Скоро, с божьей помощью, стану татарской Бузовой и прощайте, жалкие сфинксы да птеродактили! Бонжурте, Москоу, Париж! Хилоу, Нью-Йорк! Ола-ола, Милан! Салам, Дубай! Ну, на худой конец, хотя бы в Казани прикупить квартирку у озера Кабан – примитив, конечно, но потерплю!

Роза тяжело вздохнула.

– Застрахуй на всякий случай свой фантик! А то износится и порвется на пути к Парижу! – скривилась Гульчачак.

И пошла домой спать, так и не дождавшись затмения Луны.

Гульчачак ставила коровам доильные аппараты, когда нарисовался председатель.

– Ресилась? – Он шепелявил и пыхтел, как страстно закипающий самовар, но рядом с Гульчачак, яркой, как новенький гжелевский сервиз, в силу истечения срока годности смотрелся облезлым, тусклым и вялым.

Она ненавидела, когда он прокрадывался тихо и нахально сверлил ей спину.

– Не согласна и не просите! – Гульчачак обернулась, сверкнула черными глазами, и, сдерживая ругательные слова, пошла к следующей корове.

– Ты мне уже снился! – Председатель прикоснулся к ее спине. – Я сакасал водный матлас. Пловелим немеское качество, матурым?!

Гульчачак развернулась и вlepила ему пощечину. Лицо председателя было таким потным, что ей пришлось вытирать руку.

– Еще хоть раз до меня дотронетесь – оторву ваш хрен на хрен и запущу в матрас! Я предупредила! У меня парень в ФСБ работает! Нашлет на вашу ферму правительственную саранчу, и пойдете по миру, тухлый балэш⁴! А не пора ли вам

⁴ С татарского: большой пирог с картофельно-мясной начинкой.

в роддом оценить? – указала она огромный живот председателя и снова вернулась к работе.

– Напласно ты так! Я сэ в министлы пойду. Бес сивота в министлы не белут!

Он похлопал по животу, злобно ощерился, вытер пот с багрового лица и направился к выходу.

Фнун Нафикович управлял колхозом вот уже шесть лет. Был женат, имел одну-единственную дочь.

Он мнил себя справедливым управленцем, а жители деревни считали его жирным колорадским жуком и мечтали вытравить с поста председателя.

Жена председателя, Люция Шигибаловна, никогда не ходила пешком, потому что... статус.

Первую леди возили в карете, запряженной черными арабскими скакунами специально из самого Дубая. Или в красном кабриолете, когда не было дождя и ветра.

Про то, откуда у председателя средней руки колхоза машина с откидным верхом, ходили легенды. Кто-то рассказывал, что это подарок за доблестный труд от самого Гарумиева, президента Татарстана, иные утверждали, что взятка за земли, которые Фнун Нафикович отдал в аренду китайцам под таинственные работы за высоким забором, другие же рассказывали, что владельца кабриолета посадили, а председателю машину отдали на хранение до возвращения хозяина.

Когда из колхоза пропали пятьсот баранов, никто из жи-

телей не расстроился, а многие даже обрадовались и отметили кражу весело и традиционно: народными песнями и плясками. Почти до утра из клуба слышались татарская плясовая и девичий хохот.

Радость праздника прервал пожар, внезапно начавшийся в колхозе. Половина амбара с сеном сгорела.

Председателю неделю пришлось отвечать на вопросы правоохранительных органов о причинах пожара, и он горячо шепелявил в камеру:

– Савистники пытаются выставить меня в неприглядном свете, но не досудся! Мои намеления в отношении Адайки сисые, как камфола!

– Значит, следов нет... Как же их сумели украсть? – Прокурор принимал отчет следователя Рушана.

– Превратились в гусей и улетели, – усмехнулся тот, но когда прокурор серьезно прищурился, шутить перестал. – Вертолетом, что ли?

Прокурор, размышляя, откинулся в кресле и глянул на потолок, потом встал, подошел к настольному хоккею и начал играть. Противником был Рушан.

– То есть баранов перевезли по воздуху? – Прокурор попытался забить шайбу, но не попал.

– Или закопали, но следов погребения мы не нашли. – Следователь взял со стола шоколадную печенюку, хрустнул

и продолжил игру. – Сейчас проверяем версию мести. Может, совхозы что-то не поделили?

Рушан забил шайбу.

– Жду отчета, – нахмурился прокурор.

Когда следователь вышел, секретарша пригласила зайти Рашида.

– Ты-то что здесь делаешь? Надеюсь, у тебя бараны не пропали? – Прокурор растерянно улыбнулся другу.

Рашид снял кожаную куртку, налил воды и выдохнул.

– Бараны – нет. Но австралийские гуси и кенгуру испарились. Спасай! Заказчик – Правительство Татарстана! – Рашид посмотрел страдальчески.

– А чем им не угодили наши гуси? – прокурор от удивления поднял брови.

– Ты что, не знаешь нашу власть? Как они любят выпендриться перед иностранцами? Ждут крутых инвесторов из Австралии, десять миллиардов зеленых... Вот и подмазываются в своей манере. Мы ж, татары, народ гостеприимный и радушный, прогрессивный, не чураемся и чужого мяса, научите нас готовить пельмени из кенгуру, мясной поплавок, мраморного гуся... – Рашид протер глаза. – Три ночи уже не сплю, ищу их. Как сквозь землю провалились! Даже перышка нет!

– Как там Гузель? – прокурор решил сменить тему, чтобы подумать над ответом.

– Носится с китайцами. Представь, получаем уведомление, что они отказываются принять наших гусей по контракту, потому что, видите ли, в товарной накладной указан вес больше, чем в реальности. После общипки вес, видите ли, становится меньше! Вот и улетела в Китай с делегацией, будут регистрировать вес до и после.

– То есть, она с китайцами будет потрошить гусей? – засмеялся прокурор.

– Мастер-класс! Чего только не приходится делать ради процветания нашего ханства, да? Ты представлял когда-нибудь, что тебе придется искать кенгуру по лугам и лесам Татарию? – протянул Рашид, а его друг осознал, что это может стать самым важным делом в его карьере.

Часть вторая

Гульчачак сидела у кровати бабушки и пряла шерстяные нитки.

Она едва сдерживала резкие слова каждый раз, когда веретено падало на пол. Прясть было любимым занятием бабушки Апанас, но не Гульчачак.

Но бабушка всегда предоставляла выбор: прясть или топить печь. А Гульчачак очень хотела новую шаль, потому старалась изо всех сил, как паучок в шелковом царстве.

Жаркая бревенчатая изба вынуждала женщин постоянно вытирать пот полотенцами с ручной вышивкой.

У белоснежной печи бабушка напевала какую-то песню.

– Бабуль, а ты по любви вышла замуж? – спросила внучка.

– Ага. По неземной! Я другого любила. – Бабушка проверила готовность блинов и вывалила их в тазик, прикрыв полотенцем.

– А кого? – Гульчачак сунула нос в тазик и смачно откусила один из блинов.

– Майора из второй роты!

– Тогда вроде войны уже не было? – удивилась девушка и присела на табуретку.

– Да, но майоры с лейтенантами оставались. А ты чего такая кислая? Опять по своему филину размазалась?

– Боюсь, уведут его московские несушки... – Гульчачак

опустила глаза и начала распускать косы.

– На этом жизнь не закончится. Вон, мой тоже: «Люблю до гроба! Ни в жизнь не оставлю, голубку мою!» Но тут пришла она!

– Кто? – девушка насторожилась.

– Бледный пудель из телевизора! Просунула свой самодвольный нос прямо в наш зал и пропела: «Тупи ту пу-у!» Любви захотела, увела моего мужика, выдернула бы все ее кренделя на ее голове!

– Бабуль, ты про Мэрилин Монро, что ли, говоришь? – Гульчачак вытаращила глаза.

– Мынры-мынры. Как с ума сошел! Хочу, говорит, себе Мынры! Отрежь свою косу и перекрась волосы! Иначе не женюсь! А ты помнишь, какие у меня тогда были косы? Вся деревня завидовала, до земли! – Бабушка с треском и грохотом кинула сковородку в печь.

– И ты гордо отказалась! – подытожила Гульчачак.

– Чтобы я ради мужика косы отстригла?! Думала, одумается, вернется. Как шайтан вселился в него! – Бабушка Апанас села на стул, оперлась на кочергу, а Гульчачак уставилась на нее в ожидании продолжения рассказа. – Нашел ту, которая согласилась. Соседка с параллельной улицы, всегда задом в клубе перед ним вертела!

– И он на ней женился? – Гульчачак взяла новый блин и от возмущения стала жевать еще быстрее.

– Да. И уехал.

– Куда?

– В Штаты. Поближе к пуделю, может, надеялся встретить на улице, дурак! – бабушка вздохнула. Открыла печь и проверила блины.

– Очуметь! Ты могла бы жить в Штатах! – Гульчачак чуть со стула не свалилась. – А он до сих пор там живет?

– Да, но у него уже третья Мынры, – скривилась бабушка Апанас.

– А ты вышла за деда?

– Нет. Когда нет майора из второй, можно найти полковника из шестой! А ты вот киснешь, как тесто, а еще вся жизнь впереди! Сколько у тебя будет еще лейтенантов да генералов, только Аллах знает. Мужчины, как листья на дереве: отлетают, выцветают и только с весной распускаются во всем своем великолепии, мохнатые почки вербы! Если в душе осень, то жди весны, родная! Все наладится!

– А где же тот полковник? – Гульчачак разочарованно посмотрела на бабушку.

– Где-где... В Уфе! Улетел с одной ведьмой на метле. Потерял погоны и стал чертом. Так наши дороги и разошлись. Ну а потом и деда послала мне... мать. Устала, говорит, ждать, когда судьбоносный конь забредет в твой хлев! Бери что дают, иначе будешь не внуков рожать, а сплетни собирать да баб злить своим гордым одиночеством.

Гульчачак подошла к бабушке и ласково прильнула к ней.

– А ты вспоминаешь того, первого?

– Мне бы в моем возрасте свое имя не забыть, глупенькая, не то что каких-то там мынрышных дезертиров! Никогда не прощу! – возмутилась бабушка и пошла вываливать очередную порцию блинов.

На приеме у прокурора сидел председатель соседнего колхоза «Пупрышкино».

– Я требую возмещения ущерба, новых баранов, корма высшего сорта! – Председатель вытирал пот, а Зубазга Мозгарович пытался изучить жалобу.

– Итак, ваши бараны похудели за ночь... Вы считаете, что вам подменили баранов, правильно? – прокурор поднял глаза на председателя.

– Да, уважаемый, я над ними молюсь день и ночь! Каждого лично кормлю, все по норме, ГОСТ-стандарту! Вот этими руками строю наше великое ханство! А кто, если не мы? – мужчина в сердцах подпрыгнул и вознес руки к потолку.

Прокурор попросил его сесть на место.

– Значит, вы открываете хлев, а там не упитанные барашки, а истощенные анорексикки? На сколько кэгэ они похудели, что вы прямо сразу заметили? – Зубазга Мозгарович лукаво повел бровью, а на губах у него заиграла улыбка.

– Конечно, заметил! Обижаете, мискины⁵! Что теперь обо мне говорить будут? Что я своих баранов не кормлю? По-

⁵ Мискин – человек, которому едва хватает на кусок хлеба.

зор мне! Бюджет перестанут выделять! По миру пойдем! Меня же не снимут? – Председатель посмотрел на прокурора с тревогой.

В дверь постучали, и вошел следователь Ришат.

– Рушан Идрисович, вы какими судьбами здесь? Неужто жалуетесь на конкурс «Фитнес бляшка?»

Следователь похлопал председателя по плечу. Тот покраснел, и глаза у него забегали, а прокурор сомкнул брови и почесал темную шевелюру.

– Поподробнее, пожалуйста, про конкурс? – обратился он к следователю.

– Недавно был конкурс на самых спортивных баранов Республики. Участвовали десять деревень, ну и пупрышкины тоже зажгли! Пять километров бежала команда пупрышкиных и всех сделала! А как они красиво копытцами стучали у озера! Лимфодренажная техника баранов покорила жюри!

Рушан Идрисович съежился в кресле и стал похож на розовую свинью без шеи. Особо сильно сверкала его мокрая от пота лысина.

– А приз какой? – уточнил прокурор.

– Колхоз получает корма плюс новых баранов. А в чем проблема? Не прислали корма или что?

Прокурор глубоко вздохнул и уставился на председателя.

– Господин Зубазга Мозгарович, произошла ошибка, я забираю свое заявление. Простите, что отнял ваше время. Вы уж помалкиваете, что я здесь был... Ну, понимаете, да?

Председатель попятился к двери, прижимая заявление к груди. А прокурор, покачивая головой, усадил следователя.

– Мда, жадность людская – акселератор бесстыдства, – прошептал он и принялся читать принесенный Рашидом отчет.

В одном из шанхайских ресторанов вокруг Гузель собрались представители китайских оптовиков.

В своих идеально отглаженных синих костюмах они напоминали войска синего знамени цинских племен, готовые в любой момент защитить своего повелителя и обезглавить самоуверенную девушку, которая отточенной и беспощадной тактикой разделки гуся задела их самолюбие и пошатнула веру в мировое господство.

Гузель согнула колени, подняла топор, гусь гоготнул на прощание, смиренно моргнул – и голова его отлетела на пол.

Китайский хан отпрянул, а войска встрепенулись. Кто-то глядел со страхом и враждебностью, а кто-то и с восхищением.

– Мой дед был главным петушиным палачом в деревне, – невозмутимо объяснила Гузель, и, облив кипятком гуся, начала щипать птицу.

– В Татарстане такие бесстрашные девушки! – кивали ки-

тайцы.

– И честные! – добавила Гузель, похлопывая по гузке ошипанного гуся.

Закончив любоваться своей работой, она положила птицу на весы:

– Видите, разница в сто тридцать граммов. Неужели ради этого стоит переписывать договор? Будем считать, что это межкультурный форс-мажор и дружеская уступка.

Девушка улыбнулась, а китайцы переглянулись.

– Ну, у этого гуся, может, и перьев мало, а давайте возьмем другого! – надулся китайский босс и шмякнул перед Гузель жирного гуся.

Она как ни в чем не бывало встала в позу Брюса Ли и со звонким стоном отрубила птице голову.

На пятом гусе китайцы сдались.

Видно, были впечатлены историей о том, как Гузель нечаянно отрезала главный детородный орган у одного из члена жюри, который слишком долго и дотошно придирался к ее технике рубки татарской лапши.

Зубазга Мозгарович задержался на работе допоздна и уже решил, что останется ночевать, как в дверь постучал Рашид и внес раскладушку.

– Что случилось? – Прокурор встал из-за стола.

– Гузель выставила из дома. Мол, без кенгуру и моих сап-

фировых лебедей не возвращайся! – Рашид растянул раскладушку рядом с прокурорской и развалился на ней прямо в одежде. – Не выгонишь же бездомного?

Он глядел на друга, как побитая собака.

– Жестоко, однако! – пробубнил Зубазга Мозгарович, едва сдерживая хохот. – У нее были причины для такого бессердечного поступка?

– Очередной ПМС, а не причина! – проворчал Рашид. – Сказала, что канула в Лету ее кампания «Слепи свой татарский пельмень из кенгуру». Она ж мой PR-директор, уже и залы арендовали для гостей, билеты по баснословной цене распроданы! Гуси в конце пельменного дня должны были спеть и станцевать татарскую народную. Месяц их тренировал гоготать синхронно. Уже мечтал кенгурятинку на вертеле покрутить... Э-эх! – Рашид судорожно вздохнул. – Есть че выпить?

– Чай, – ухмыльнулся прокурор.

– Ты хоть не издевайся! – вскипел Рашид и вскочил.

– Ее ПМС и тебя чуток заразил, слава Аллаху, что это ненадолго! – закашлялся, скрывая смех, прокурор и с ехидной улыбкой пошел в буфет искать оставленный кем-то магарыч.

Часть третья

Прокурор с Рашидом лежали на раскладушках под одним одеялом и курили. Окна в кабинете были распахнуты настежь.

– У самого какие версии? Кому дорожку перешли ваши гуси да кенгуру? И вообще, чем не угодили гуси Татарии? – прокурор обиженно посмотрел на Рашида. Язык у него уже заплетался.

– Да ничем! Это бзик Гузель, она ж пиарщица: представь, как это будет красиво! Сапфировые гуси с белоснежной шейкой на сцене волнующе порхают! Соберется весь мировой бомонд, да-да! – кивнул удивленному прокурору Рашид. – Она там такое шоу организовала, что даже парижские кутюрье будут демонстрировать новый тренд костюмов для братьев наших меньших!

Прокурор ничего не ответил. Рашид прокашлялся и закурил:

– А ты знаешь, что сейчас в Европе домашних птиц, типа кур и гусей, за элиту держат, выгуливают, как аристократов? Посрут на улице – сразу вытирают птицу специальной салфеткой, а салфетку складывают в контейнер «Гусь Лю XV» или «Гусиха Жо XVII», смотря какой у этого гуся номер!

– Тьфу! – плюнул в сторону прокурор. – Куда мы катимся, неужели и Татарстан погибнет в абсурде новомодных тен-

денций?

– Нет, Татарстан туда не затащить, наши деревни не дадут этому быть! – рассмеялся Рашид. – Они этих аристократов в самогоне замаринуют!

– Значит, она задумала событие с международным масштабом? – спросил прокурор. – А были те, кто не попал на этот фестиваль, но очень хотел?

Зубазга Мозгарович поднял пустую бутылку из-под виски, разочарованно покрутил ее и поставил обратно на пол. Потом встал, закрыл окно и снова залез под одеяло.

Рашид задумчиво почесал щеку:

– Да был там один со свинофермы. Долго пытался получить разрешение лепить пельмени и выставлять своих свиней. Но организаторы фестиваля решили, что свиньи не подпадают под фейсконтроль аристократии и вообще не халяль. Он сейчас судиться пытается.

– Хм, даже так... – Зубазга Мозгарович задумался, прикрыл глаза.

– Ты спишь?

– Нет, представляю глаза разочарованных пяточков. Продолжай. Я слушаю.

– Телевидение долго мусолило эту тему об унижении национальной индустрии и несоблюдении прав человека и братьев наших меньших, но потом все вроде затухло.

– Почему вроде? – Прокурор открыл один глаз.

– Да получал я несколько раз письма с угрозами...

У прокурора открылся второй глаз:

– И ты все это время молчал?

– Да некогда ж было! Надо было обезболить сердечные раны от несправедливых упреков невесты... – развел руками Рашид.

– Ну, так что там с письмами? – Прокурор снова прикрыл глаза.

– Угрожали, что если мы не откроем доступ к фестивалю всем, на равных правах, то пожалуются в европейский суд или предпримут иные неприятные для нас действия. Я не отвечал. Решил, что это того не стоит. Потом письма прекратились.

– А мыло проверяли?

– Да. Откуда-то из-за рубежа.

– Интересно. Значит... свиньи против кенгуру.

– Да, он еще верещал, что свиные пельмени безопаснее, потому что свиньи едят наши национальные отходы, а загадочная кенгурятина, выращенная непонятно на чем, может навредить генетическому коду татарского народа.

Оба расхохотались.

– А как твоя бывшая жена? Вы с ней решили спорные вопросы? – Прокурор снова открыл один глаз и посмотрел на зевающего Рашида.

– Решаем. Пришлось отписать часть земель, чтобы ускорить развод. Она угрожала Гузель смертью. Как мог, заткнул Наталье рот. И ты тоже помалкивай, ладно? Гузель все рав-

но не знает, сколько у меня гектаров, поэтому и не заметила ничего.

– Значит, это может быть месть Натальи? Простое женское коварство? – Прокурор привстал, потер уши.

– Вполне. Это ж проект Гузель. Наталье на руку. Да и следов не нашли. Вертолеты не каждый может арендовать, – вздохнул Рашид.

– А если фестиваля не будет, то и инвестиций не будет? – Прокурор почесал ногу об ногу, остановил взгляд на выглянувшей из-за туч луне.

– Мне придется выплачивать долги. Ну и с правительством отношения окончательно испортятся. У них и так на меня зуб.

– Будем проверять все версии. Я спать.

Зубазга Мозгарович дернул одеяло на себя, а Рашид на себя.

– Тебе, Рашид, одеяло не нужно. Тебя кенгуру и гуси должны греть, – пошутил прокурор.

А Рашид придвинул к нему раскладушку и крепко обнял.

– Ты не наглей! – прокурор попытался убрать руку Рашида.

– Ты прав, лучше согреться национальными продуктами. Кукморским гусем, например. Какой ты миленький, теплый, мягкий... – Рашид снова придвинулся к прокурору.

Зубазга Мозгарович с раздражением уступил ему часть одеяла.

– Еще слово, и я достану хоккейную клюшку! Будешь ловить своих кенгуру в травмпункте!

Рашид уехал рано, пока прокурор еще спал.

Его разбудил запах свежего кофе. Секретарша нежно пролепетала приветствия и на подносе преподнесла завтрак.

Новый ритуал приятно удивил Зубазгу Мозгаровича, но и насторожил.

– У вас была тяжелая ночь. А утро сегодня чудесное, свежее, морозное! – Секретарша быстренько собрала бутылки.

Прокурор лежал, пил кофе и мечтал на весь день остаться под одеялом.

– Не хватает вам женской заботы, – секретарша серьезно посмотрела на него.

Зубазга Мозгарович вспомнил, что ее зовут Земфира.

– Да некогда мне! Как хан одинокий в великой степи брожу, подобно бесплодной гусыне иль дурному барану...

Прокурор встал, пошел умываться.

Когда он вернулся, на столе лежала записка.

«У поэта бывают и горе и грусть,

Он, как море, а море не знает покоя.

От добра я, как воск, размягчаюсь и таю,

И, хваля справедливость, я мед источаю».

Часть четвертая

– Земфира, расписание приема и список дел на сегодня принесите, пожалуйста! – нажал на вызов Зубазга Мозгарович.

Красный пиджак секретарши тут же замельтешил перед глазами, цоканье шпилек отдалось в голове табуном дикобразов.

Прокурор был не в духе. Ночёвка с Рашидом оставила пагубные для работы мозга последствия, но он не оправдывал себя и не жалел.

– Насыщенный сегодня у вас день... – Секретарша опустила густые ресницы. Она разглядывала его руки на столе и чего-то ждала.

– Можете идти... – Прокурор изучил лист и остановился на последнем пункте: «Ужин со мной». – Стоп, подождите. Вы, кажется, ошиблись вот здесь. «Ужин со мной»?..

Зубазга Мозгарович поднял глаза и с любопытством уставился на секретаршу.

– Не ошиблась. Вы знаете, я прохожу марафон «Нежная пчелка». Там задание завизуализировать мужчину своей мечты. И нужно внести встречу с ним в свое расписание, как будто он у меня уже есть. А мое расписание – это ваш распорядок дня. Это просто игра, понимаете? – она покраснела и стала ни с того ни с сего раскручивать свои длинные,

по пояс, черные косы.

У прокурора от хмеля очень болела голова, и ему не хотелось вдаваться в подробности и тем более быть свидетелем преобразования сотрудницы в пылкую амазонку.

– Понимаю. Удачи вам, пчелка, – буркнул он, попросил секретаршу покинуть кабинет и принести крепкого чая.

За дверью довольная девушка выдохнула, поправила бюстгальтер и засияла улыбкой:

– Это просто игра... – хихикнула она и пошла ставить чайник.

Гульчачак поила коров, когда появился председатель, Фнун Нафикович.

Некоторое время он пристально изучал силуэт девушки и облизывался. Председатель давно мечтал ее соблазнить.

Гульчачак была стойким солдатиком, но это лишь добавляло азарта в охоте. Остальные доярки уже давно получили свои призы и награды в виде новой шубы, путевки в Анапу, экскурсии в Москву... Кто-то был рад и простому денежному взносу на банковский счет, а кому-то починили забор и крышу.

Но председатель никак не мог понять, какая нужда беспокоит Гульчачак, как ее поймать и чем заманить.

К тому же на пути стоял ее воздыхатель, которого Фнун Нафикович немного побаивался. Рустам был призером

по боксу, и в обиду свою девушку не давал. Но председатель все же надеялся, что в его отсутствие он добьется своего.

– Сегодня в клубе концелт. Будесь? – Он подошел ближе, дернул Гульчачак за черную косу.

– Нет. – Она пошла было к выходу, но Фнун Нафикович не пустил.

– Я седлый са ласку и незность. Не стыдно на пенсию бабуски зыть? – Он попытался взять Гульчачак за руку.

– У вас целый колхоз буренок. На любой цвет, вкус, возраст и вес. Только плеткой махните! А совестью своего ненасытного змия попрекайте! – Она фыркнула и выбежала из коровника.

Председатель отхаркнул, подтянул штаны и вышел за ней.

Гульчачак проходила мимо клуба, где собирались на дискотеку девчата.

Краснощекие, черноглазые, с распущенными, как у ив, волосами, девчонки выстроились у клуба, словно фарфоровые куколочки на витрине.

В хлопковых платьицах с аппликациями ярких узоров на груди. Поверх платья – традиционный камзол, обшитый лисьим мехом. В волосы вплетены бабушкины чулпы и цепи с разноцветными камнями.

Но часть девушек уже считала традицию явлением чуждым, не трендовым, а дискотеку – местом раскрепоще-

ния и самопозиционирования, потому что щеголяла в коротких юбочках, джинсах с футболками, кричащими вычурными принтами и расцветками.

Роза была из модных, стояла с подругами, которые смотрели в телефоны и что-то горячо обсуждали. Каждый раз от звонкого смеха под хлопковыми платьями с рюшечками волновалась холмики, косы танцевали на груди, подола юбок плескались, приоткрывая пестрые, как весенняя поляна, сапожки-ичиги.

– Гульчачак, иди сюда! – махнула Роза.

Гульчачак без желания подошла.

– А твой-то продвигается по службе! Видно, ударник! С такой начальницей – как не ставить рекорды... – Она показала фотографию с худощавой блондинкой.

– Она же старше него, – прошептала Гульчачак.

– А то! Опыта набирается!

Девчонки захохотали, а Гульчачак убежала домой.

Бабушка Апанас сидела на кровати и задумчиво протира-
ла очки.

Гульчачак насыпала муки в кастрюлю и начала готовить тесто для кыстыбыев.

– Ты зачем, на ночь глядя, тесто месишь? – нахмурилась бабушка.

– Проголодалась! – Гульчачак давила на стол так сильно, что тот начал раскачиваться.

– Понятно. Опять со своим поссорилась. А мне сегодня пенсию не дали...

Гульчачак повернулась и побагровела:

– Как так?!

– Говорит, не пришла твоя пенсия, старая кочерга. Жди. А я говорю: так все уже получили, одна я без денег! – бабушка вздохнула. – Что-то мутит наш председатель.

– Еще как мутит, облезлый козел! Довыпендривается он у меня! И куда его жена смотрит! – выпалила Гульчачак и опять начала месить тесто.

– А при чем здесь она? Она в мехах да в брильянтах. Заказала редкие породы лошадей. Хочу, говорит, деревне моей родной, Адайке, подарок сделать – эксклюзивную конюшню основать, где будут проводить соревнования. Вся татарская и московская элита будет съезжаться к нам! У нас будет адаевский мультурнь или бульбурн. – Бабушка Апанас подошла к окну и собрала высохшие листочки у цветов.

– Мельбурн! – пробормотала девушка.

– Что?

– Кубок Мельбурна! Куда ей ипподром открыть, неспособна жопу свою помыть! Собралась элиту сюда приглашать! Дешевка! Думают, если у них есть деньги, то они могут всех и вся купить! – Гульчачак с яростью перевернула тесто и продолжила топить руки в муке.

Бабушка обернулась.

– Дочка у них скоро замуж выходит. Помолвка будет. Сам

Радик Юльяхшин приглашен! Неужели он приедет сюда? – Бабушка поставила чайник и достала сметану.

– Не приедет! – скривилась Гульчачак.

– Почему? Они за деньги и к эскимосам полетят.

– Не приедет и точка! – Гульчачак ударила кулаком об стол.

– Дочка, ты иди отдохни. Утро вечера мудренее. И пенсию завтра получу, Аллах поможет. А не то Розу попрошу в инстаграме пост написать, пусть опозорится.

Бабушка Апанас улыбнулась и вспомнила, как Роза радовалась лайкам за их фотосессию. Хотя сама бабушка была недовольна: уж слишком сильно выпячивала ее невестка свои круглые задние формы, что не достойно замужней женщины.

«Это тренд инстаграма, а то победы не будет! Все ради победы!» – серьезно отвечала на упреки невестка, а свежая кровь только рукой махала. Она уже давно перестала понимать нравы молодежи, а что такое мода – и не пыталась разгадать.

Гульчачак легла на кровать и достала телефон.

– Привет.

– Привет.

– Тебя не обижают?

– Обижают.

– Понял. Печь еще не затоплена.

– А баня?

- Дрова рубим.
- Концерт нужно отменить.
- Записано.
- А еще неплохо бы кино снять.
- Обязательно.
- Не перетрудишься на благо отечества.
- Постараюсь.
- Отбой.

В своем кабинете прокурор, Зубазга Мозгарович, набрал номер Рашида.

- Твои батыры проверяли по спутнику, где кенгуру?
- Нет.

– Проверь. Может, они рядом или, наоборот, уже на родине?

- А с гусями что?
- Отдали в розыск, готовим фотографии.
- Хорошо. Давай пока.

Прокурор собрался уходить, но секретарша встала в проеме.

– Вы уже уходите? – она подняла бровки. В руках у нее была дымящаяся кастрюля.

- Да, рабочий день закончился.

Прокурор стащил куртку с вешалки, но на кастрюлю смотрел с аппетитом.

– А ужин со мной? – секретарша приоткрыла рот, очерченный бордовой помадой, и задабривающе улыбнулась. – Весь день пельмени лепила! Можно приступить к выполнению своих обязанностей по вашему списку дел?

Она поставила кастрюлю на стол, не дожидаясь ответа начальника.

Зубазга Мозгарович был очень голоден, но в этой ситуации он чувствовал себя бараном, которого решили подоить. А этого он не мог позволить.

– Жду вас завтра в девять для выполнения ваших прямых обязанностей по работе. В противном случае мне придется искать другого секретаря. А вы можете перейти на работу поваром или пчелкой на безгранично прекрасные поля Кукморского района!

Прокурор закрыл дверь и, проглотив конфетку, поехал играть в хоккей, жадно приглядываясь по дороге к уличным гусям.

Часть пятая

С утра секретарша Земфира тихо напевала в приемной прокурора песню Хании Фархи о превратностях любви. О том, как гложет обида и как с ней сложно жить.

Дверь распахнулась, и приемная наполнилась ароматами дорогой столичной жизни, где люди ездят в лексусах вальяжно прикуривают заморские сигары в полутемных барах и рассуждают о связях политических тенденций с модной нашумевшей скульптурой дырявого батона Бурки Мишкина.

Земфира подняла глаза и сразу наткнулась на соболей.

«Не рановато ли для шубы?» – подумала она, от удивления забыв поздороваться.

– Прокурор у себя? – решительно спросила дама.

Земфира не успела ответить, как та приказала:

– Доложите обо мне!

Незнакомка распахнула шубу, и на секретаршу хлынул жемчужный дождь. На фоне черного платья жемчужины сияли, как миниатюрные луны.

– А в-вы записаны? У него совещание, – заикаясь, проговорила Земфира.

– Барашек ты мой кучерявый! Для генеральной прокуратуры РФ двери доброжелательно распахнуты круглосуточно! – дама закатила глаза. – Мне еще долго ждать? Каннская Эльвира!

Женщина нервно застучала пальцами по стойке.

– Конская Эльвира? – переспросила Земфира.

– Каннская! Не все же в коровнике росли! Два «н» от слова Канны, если вы, конечно, слышали о таком месте! – скриivilась женщина.

Земфира взяла расписание, подошла к двери, притормозила, схватилась за живот и с потугами пукнула.

Эльвира в негодовании зажала пальцами нос и отошла к стене.

А секретарша обернулась, прежде чем юркнуть в дверь:

– Извините, барашек не смог сдержать свое возмущение, мы же в коровнике воспитывались! – оскалилась она.

Прокурор принял Эльвиру, отослав следователя на обед.

– Я специалист по корректировке расписания и не хочу слышать о приемах, и что ты нереально занят! Ну, какие в этой дыре приемы народа и проблемы? А? Два пряника украли из магазина? Капусту недовесили? – защебетала она, залетев в его кабинет.

Эльвира испачкала щеки прокурора помадой и, не спрашивая разрешения, уселась в его кресло. Покрутилась пару раз и закинула нога на ногу.

– Привет. Неожиданный визит... – Зубазга Мозгарович отвык от таких наплывов с тех пор, как покинул Казань.

– А я решила посетить хуторок, в котором ты теперь паcешься. Еду в Нижнекамск с проверкой. Вот, думаю, не оди-

чал ли там наш прокурор, не голодает ли... – Эльвира потрогала свой жемчуг, блеснула голубыми глазами и пригладила идеально уложенное каре.

Зубазга Мозгарович вздохнул, потянул ее за руку и пересадил в кресло напротив.

– Это кресло удобнее, – объявил он.

И вызвал секретаршу с двумя кофе.

– Нет-нет, я здесь пить кофе не буду! – Эльвира замахала руками. – Пойдем куда-нибудь по старинке? В «Валенки», например?

– У меня правда очень много работы сегодня! – Прокурор постучал ручкой по столу и строго посмотрел на Эльвиру, уже понимая, что сдал свою крепость.

– Да ладно! Ну-ка, дай мне твоё расписание! Я его вмиг облегчу! Мы быстро решаем все вопросы, знаешь же!

Девушка пробежала глазами по бумагам на столе и выловила нужный лист. Некоторое время она изучала «расписание», составленное секретаршей.

– «Обед со мной»? О, это что-то новенькое! – Эльвира бросила взгляд на прокурора.

Тот взял лист, перечитал, почесал внезапно засвербевший нос. Зубазга Мозгарович еще не успел посмотреть свое расписание и не знал сюрпризов дня.

– Ну да... Работы много, вот и приходится вносить обед в расписание, забываю, знаешь ли... – Он покраснел.

– Отлично, сейчас как раз время обеда. Я расскажу тебе

новости!

Эльвира встала, подошла к мужчине и обняла за шею.

Прокурор молчал.

Эльвира знала, какой эффект произведет ее приезд. Не первый раз.

Они давно расстались, но забыть друг друга так и не смогли. Несколько раз он пытался жениться, но потом приезжала она, и свадьба отменялась.

Эльвира была похожа на бульдозер, который первоклассно роет ямы, но латать дыры не намеревается.

Прокурор встал, помог бывшей любовнице одеться.

Проходя через приемную, Эльвира нарочито громко прокричала:

– Как приятно, что обед со мной ты внес в свое расписание. Вот что значит ответственный работник, но какой романтик!

Зубазга Мозгарович закашлялся и, не глядя на секретаршу, исчез за дверью.

Земфира стояла у стойки и теребила российский флажок. Негодуя, она его разломила, а потом, очнувшись, кинулась клеивать скотчем.

Хорошо, что это был не портрет президента. Прокурор не любил, когда портят казенное имущество, тем более, если это символ России.

Гузель сидела за компьютером и набирала в гугле: «Продаю кенгуру, сдам кенгуру в аренду, шашлыки из кенгуру, фото с кенгуру».

Уже который день паутина была для нее настоящим зоопарком. Каких-то только животных не привозили в Россию!

Гугл предлагал ей и танец бирманских курносых обезьян, и массаж от пилорыла, и поцелуи лесных сонь, и охоту на кабаргу, и боксерские бои воронкоухов, и скакалка-шоу от прыгунчика...

Когда она замечала очередное объявление про кенгуру, то тут же мчалась по указанному адресу. И каждый раз ее ждал провал.

Насчет кенгуру гугл был жадным. Везде сияло ее шоу: «Слепи свой татарский пельмень из кенгуру!».

«К гадалке, что ли, сходить? Или к экстрасенсу?» – Она захлопнула ноутбук и опрокинула в себя очередную чашку кофе.

Проводив Эльвиру, прокурор заметил на стене магазина объявление с фотографией: «Срочный розыск гусей. Голубой отлив, клюв черный, гогочут не по-татарски. Вознаграждение высокое».

А рядом была наклеена фотография кенгуру с подписью: «Розыск кенгуру, коричневые, два уха, с большой сумкой и кармашками на животе, прыгают выше баранов и бы-

ков, три кенгуру беременные. Если кто принимал роды или заметил подозрительных личностей, торгующих кенгуру – срочно сообщить в полицию. Вознаграждение обязательное, с благодарностью от Правительства РТ».

Зубазга Мозгарович улыбнулся и заметил Айгуль с коромыслом.

– Ведра не тяжелые? Давай помогу. – Он пошел рядом.

– Вы уже устали, небось, господин прокурор. Натаскались ведер.

Девушка расправила косы и ускорила шаг, он – за ней.

– Каких ведер? – Зубазга Мозгарович нахмурился.

– Золотых, наверное. В правительстве же других не держат. Только о шишках и печетесь! Все мечтаете обратно вернуться, думаете, заметят ваши усердия, да?

Она шла, стараясь не смотреть на прокурора, а он любовался ее длинными косами, розовым платьем и шалью на плечах.

– Что за ерунду ты мелешь? Давай уже свои ведра!

Зубазга Мозгарович начал снимать с коромысла ведра. Девушка сопротивлялась.

– Не нужна мне ваша помощь! Идите, ищите своих кенгуру и гусей а-ля первый сорт! – Она с грохотом поставила ведра на землю. – И нечего из себя строить честного блюстителя народных интересов!

Айгуль негодовала так сильно, что из ее ноздрей шел пар, а два темных агата, казалось, сейчас вылетят и ударят про-

курора в нос.

– Ты можешь спокойно объяснить, что не так? Я просто пытаюсь помочь и выполняю свои обязанности. – Он без спроса умылся родниковой водой из ее ведра.

– Прямые обязанности интересов высшего общества? Вон гусей правительства даже в розыск оформили, а наших баранов? Соседских? Кровных? Где они? Почему нет фотографий наших овечек? – Айгуль вытерла слезы. – Между прочим, среди пропавших – три моих барана! – Она отпила из ведра.

– Да они же все похожи, как один! Как их различить-то? – прокурор пытался шутить.

– Неправда! Таких тройняшек, как мои, во всем Татарстане не найти! У них татушки есть!

– Какие татушки? – удивился Зубазга Мозгарович.

– У первого на боку – «мин булдырам!»⁶, у второго – «сине булдырдым»⁷, у третьего – «без булдырабыз»⁸! – Айгуль с вызовом посмотрела на прокурора.

Тот клятвенно пообещал, что найдет баранов, а если не получится, то подарит ей новых.

– Подари лучше баранью шубу своей московской сопле! – Девушка вылила воду на тротуар и снова пошла на родник.

Зубазга Мозгарович засунул руки в карманы и грустью

⁶ С татарского: я – молодец.

⁷ С татарского: я тебя побеждаю.

⁸ С татарского: мы – молодцы.

проводил глазами ее силуэт, а затем пошел к машине, на-
шептывая пушкинское:

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:
Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

Часть шестая

Прокурор сидел за бумагами, когда вошла секретарша Земфира с подносом.

– Ваш кофе готов! – Руки у нее дрожали, она даже расплескала кофе, тихо проклиная свою неуклюжесть.

Всю ночь она не спала и волновалась: а не уволят ли ее сегодня, а не отправят ли на луга обрабатывать ульи?

– Завтрак со мной... – хмыкнул прокурор, не поднимая глаз.

– Да! – воскликнула Земфира, сверкая лучезарной улыбкой. – Всю ночь пекла ваши любимые геркулесовые печенья.

От ее воодушевленной речи прокурор очнулся, бросил взгляд на поднос, а потом на девушку.

– Спасибо, – сухо ответил он и снова вернулся к бумагам.

– Знаю, что вы очень заняты, но я хотела вам помочь... –

Секретарша взяла стул и села с ним рядом.

Прокурор покосился на девушку, прижавшуюся к нему практически вплотную, и чуть-чуть отодвинулся.

– Что вы хотите?

– Вот, думаю, вам пригодится. Я же студентка юрфака, это мои версии похищения! – Она протянула полностью исписанный лист бумаги.

Зубазга Мозгарович равнодушно, едва скрывая раздражение, взял листок.

– Гусей съели овцы?! – прочел он, поднял глаза и посмотрел на девушку.

– Да! Представляете! Я такое видела в одном фильме ужасов. Там баранов не кормили месяц, и они так обезумели, что съели всех животных вокруг! Гениальное – просто! Ведь правда? – Она подвинулась ближе. – Мне так нужны практика, опыт, я очень хочу быть вам полезной, облегчить эту ношу. Я же вижу, как вы устали... – Земфира слегка погладила колено прокурора и убрала руку, когда он нахмурился.

– Возвращайтесь к своим прямым обязанностям! – Прокурор кинул бумагу на край стола, а девушка сразу же убрала стул и вылетела из комнаты.

Зубазга Мозгарович усмехнулся, отпил кофе и снова взял ее лист.

«Бараны не смогли переварить гусей и полегли на полях деревни. Трупы баранов нашел председатель и всех быстро закопал, чтобы все решили, что его обокрали и тем самым он смог бы потребовать возмещение у государства...»

Прокурор почесал затылок, снял пиджак и бросил его на стул.

«Баранов украли жители деревни из-за мести...»

Зубазга Мозгарович покивал головой, одобряя версию, и тут же набрал телефон следователя:

– Рушан, опроси жителей Адайки, каждый дом. Может, они и выкрали его баранов? Проведи учет каждого рогатого. Как? Может, у кого прибавилось или убавилось, по какой

причине. Почему я должен выполнять твою работу?! Обрати внимание, какие отношения у домочадцев с председателем, есть ли обиды? Все ответные эмоции обязательно записывай! Давай! Хватит девок развлекать, работай хоть немного! Да, видел твои важные занятия в инстаграме: как раскрутить девчат на фитнес в клубе... Санамасана по-деревенски! Все, жду отчета. Когда, когда... Сегодня! Да, каждый дом опросить, и все оформить! Ну, не знаю. Девочек своих попроси помочь! Они ж у тебя такие сговорчивые! Как раз после фитнеса пусть пролетятся и по баранам! Они ж у тебя, как ты там написал? «...Фитнес творит чудеса: классический татарский бэлэш может в изящного лебедя превратить?»»

Закончив разговор, прокурор снова вернулся к листу, заполненному нежной рукой Земфиры.

«...Китайские шпионы захватили баранов в плен с целью проведения опытов. Татарские бараны вкуснее китайских. Как подделать, чтобы никто не заметил разницы?»

На этом пункте прокурор остановился и решил продолжить чтение позже, потому что к нему ворвался старичок, который накинулся на него с жалобой:

– Представляете, мой сосед совсем обнаглел! Построил баню больше моей! Это несправедливо! И надо проверить, на какие деньги простой пенсионер построил двухэтажную баню! Может быть, это он своровал баранов и на барыш закупился бревнами?! И какими бревнами! Из самой листовницы! У нас такие не растут, с севера под заказ, скотина та-

кая! Совесть и стыд потерял перед соседями, не стесняется мыться в такой дорогой бане, а еще ветеран войны называется!..

Зубазга Мозгарович оторопел на мгновение от такого напора и никак не мог вникнуть в громогласные волны рядом. Перед его глазами были китайцы, которые кромсали и истязали несчастных подопытных баранов и при каждом ударе топора восклицали: «Даес Китаю вкусна мяса!».

Вечерело. Председатель с женой возвращались из гостей. В соседнюю деревню ездили. В карете, запряженной двумя скакунами.

Председатель кряхтел и напевал под гармошку: «Эх, алмагачларым!⁹». Ему весело подпевала жена. Оба были подшофе, а вместе с ними – и кучер Мишка.

И тут карета резко затормозила.

– Хозяин, там!.. Там!.. – голос Мишки дрожал.

– Ну, сего там?! – Председатель продолжал играть и громко петь.

– Там бараны! – Мишка слез с сидения и встал рядом с окошком, указывая на дорогу.

– И сто? Сего баланов испугался?

Председатель закрыл гармонь и высунул голову, а с ним и его жена.

⁹ С татарского: эх, мои яблони!

Жена тут же завизжала, фетровая шляпка сползла набок. Председатель вспотел: дорогу переходили черные горелые бараны, а подгоняла их смерть. Высокая, в черном одеянии, прикрытая капюшоном, с длинной косой в одной руке и факелом в другой.

Кучер, крестясь, побежал в противоположную сторону, а председательскую чету пригвоздило к сидению кареты.

Издали послышался злобный хохот «пастуха»...

Как же прекрасна деревня Адайка на закате!

Холмистые поляны погружаются в яркую радугу теней. Со всех сторон слышны звонкое мычание коров, соскучившихся по домашнему хлеву, шуточные разговоры усталых, но счастливых доярок. Подгоняемые озорными комбайнерами, доярки разлетаются игривыми струйками по вечерним улицам. Бабульки в цветастых халатах и платочках стоят у ворот, с трепетом ожидают коз и гусей, коров и лошадей.

Прокурор любил вечер. Именно вечера в деревне он считал душевными и семейными.

И каждый раз он возвращался домой по одной и той же улице, высматривая знакомое коромысло. Но в этот день Айгуль не появилась.

Разочарованный Зубазга Мозгарович включил радио. Ильвар Шугаль пел про то, что «не верит, что поздно» и «все у нас впереди».

На словах: «Верь, мы будем вместе», прокурор затормозил, не поверив своим глазам. По дороге прыгал огромный кенгуру.

Зверюга скакнула на капот машины, затем на крышу и понеслась дальше.

Прокурор вышел из машины и побежал за кенгуру, но зверь скрылся в лесу.

Зубазгу Мозгаровича поразил даже не сам факт того, что это был кенгуру, хотя он и впервые видел его вживую, а то, что зверь был полностью обгоревший.

Или ему показалось, и кенгуру выглядят именно так, пережженными?

А может быть, он просто попарился в бане или загорел под лучами жаркого солнца? Но ведь сейчас осень, откуда солнце?

Прокурор постоял некоторое время на пустой дороге, протирая глаза, но кенгуру как сквозь землю провалился.

Зубазга Мозгарович набрал Рашида:

– Я не пил, но на дороге мне встретился кенгуру. Как я мог его поймать? Этого погорелого кузнечика хрен поймашь, он чуть не раздавил мою бэху! Но зверюга была реально паленая! Ну... или показалось! А у тебя какие новости?

– Часть кенгуру в Татарии, часть в Москве, но это еще не точно. Проверяем зоопарк. Я уже бросил ребят на локацию, кстати, недалеко от вас, Елабуга.

– Ладно. Будем искать. Хоть надежда появилась.

– До связи.

Прокурор ехал домой, стряхивая мурашки, бегавшие по телу. Из головы не выходила последняя версия секретарши Земфиры о том, что кенгуру украли, чтобы попробовать из них шашлык.

Это могла быть месть простого народа правительству. Люди не простили ущемления прав: шашлыки и пельмени лежат теперь только те, у кого есть деньги.

Жжена кенгуру подтверждала эту идею. «Да ты, умница, Земфирочка!» – улыбнулся прокурор и надавил на газ, подпевая: «Не надо печалиться, вся жизнь впереди».

Вой пожарных машин вернул его с неба на грешную землю.

Прокурор схватился за телефон и узнал, что в деревне Адайка снова пылает пожар в доме председателя.

Он повернул за пожарной машиной и стал свидетелем того, как огромный амбар разваливается, словно костяшки домино, а по улице разбегаются и жалобно мяукают кошки.

Зубазга Мозгарович постоял немного, послушал, как председатель грозитя лишить работы сельчан, пока те не выдадут имя злоумышленника, спалившего его любимый амбар, и поехал домой.

Завтра он опять «не найдет» виноватых. А нечего председателю зажимать по коровникам молодых доярок.

Часть седьмая

– Что? Ножки кенгуру нужно замариновать в бананах с имбирем? Так любит ваш босс... Ну, конечно! – Гузель разговаривала по скайпу с австралийцами.

– Да, посикунчики мы можем приготовить! Но у нас же не Урал, а Татарстан! – девушка покраснела и прихлебнула кофе. – Мы бы предпочли наготовить вам нашего чумара, балэша, пельменей из конины, самого благородного мяса в мире... Что? Вы не можете представить, что будете есть мясо величественных мустангов?.. – Гузель сдержала раздражение и натянуто просияла. – Безусловно, я вас понимаю! Чимичури – соус для зама... Хорошо, чатни манго и соус альфредо. Записано! Да, гуси чудесно поживают, исколесили уже всю нашу республику, качают мощность лопастей! Нет-нет, окрас не поблек, наоборот, посвежели, окрепли, поправились на наших лугах, у нас же мейд ин Татарстан, даже червяки откормленные, высший сорт! Фотографии голубок? Да, без проблем! Тотчас прикажу небесной канцелярии, пусть соберут гусей для фотосессии, и сразу же вышлю! С австралийским флагом? Без проблем! Хотите и ваш гимн сгогочут! Гудбай!

Гузель захлопнула ноутбук и выпалила:

– Значит, лошадок вам жалко, а ушастых попрыгунчиков – нет? Да еще с бананами, плиз?!

Она протерла глаза, взяла телефон, нашла фото гусей.

Они стояли на лугу, вытянув в удивлении шеи. На фоне синего неба казалось, что между ними и небом была невидимая нить, а сверху таинственный кукловод руководил ими, как с марионетками.

Гузель наткнулась на фото костюмов для гусей: голубые тюбетейки с миниатюрными подсолнухами и золотые жилеты с черными кармашками.

Она с грустью улыбнулась, протерла экран и набрала Рашида.

– Порадуй меня. – Гузель откинулась в кресле.

– Пока нечем, милая. Но кенгуру запрыгали в Кукморе.

Рашид сидел на работе, уткнувшись в экран, на котором красовалось стадо кенгуру, что ему поставили месяц назад.

– А гуси? У нас месяц остался.

– Работаем. Я приеду сегодня? – Рашид обедал и громко чавкал в трубку.

– Пока сапфиновые не загогочут над моей крышей – не появляйся.

– Ну, я-то в чем виноват? – Рашид откинул ложку, она зазвенела и упала на пол.

– Себе, любимому, ты обеспечил правительственную безопасность, а моим подданным – нет! Это плевок мне в душу! – Гузель закрутилась в кресле.

– Между прочим, это я теряю огромные бабки, а не ты! И по мне идет удар! Ты разговариваешь со мной так, как буд-

то я это сам подстроил! – Рашид включил громкую связь, снял пиджак и ждал ответа, но Гузель молчала. – И возразить нечего, да? Гуль, ну, хватит уже капризничать, я же соскучился!

– А я – нет! И пока ты там устраиваешь мальчишники со своим прокурором, я, между прочим, работаю и спасаю нас! Ты знал, что тот, лысый со свиной фермой – родственник твоей бывшей жены? У тебя в подчинении все спутники мира, а мне хватает моих мозгов и чуток шарма, чтобы докопаться до истины! Спрятался в ауле? Ну и продолжай кукарекать на крыше кукморского совхоза!

Гузель отключила телефон и выбежала из офиса.

У нее созрел план, как проверить, замешана ли в исчезновении гусей и кенгуру бывшая жена Рашида.

Комбайнер Василий всегда мечтал о славе.

Будучи неудавшимся историком, оператором по проверке пола цыплят, дегустатором корма животных и профессиональным обнимателем, он решил упростить себе дорогу к славе через инстаграм.

И вот на закате дня он снимал сторис для своих подписчиков, коих перевалило уже за десять тысяч, но он пока что отставал от своей жены, Розы.

Борьба за первенство была на самом пике. Спор с женой начался после того, как он отказался купить ей соболей, ска-

зав, что для деревни соболя – это излишество.

Разозленная жена пообещала ему, что сама их себе купит, станет знаменитой и уедет навсегда из кабакиного царства.

На что муж ответил жестко:

– Развод получишь только в случае, если станешь известнее меня. А пока носи кролика и валенки кукморские, царица.

И жена носила, конечно. Зимы в Татарстане очень суровые.

– Итак, друзья, сегодня я загораю на нашем сеновале! Видите, как зажигает солнышко, точнее, прощается до завтра с трудягами! А вот вам от меня фольклорный орэвуар.

Привет, сентябрь – пора поэтов!

Добавить сплина, сбавить прыть!

Ах да, и штопор, новый штопор
купить!

Василий растянул телогрейку, достал бутылку пива, открыл ее и после одного глотка продолжил:

– Ах, бодрячок! Можно теперь и на вторую смену лететь! Кстати, представители пивного завода Кукмора стали почетными судьями на конкурсе комбайнеров. Да-да, у нас были соревнования на самый мощный комбайн месяца, самый лихой и самый модный! Ну, я выиграл все призы! Поддержите нас, ссылка на завод внизу! Не дайте себе проспать по-

следние жаркие дни осени, доярочки любят дерзких шумажеров! – Он подмигнул в камеру. – Ах, как я выиграл? Ну, я не могу раскрыть вам все секреты, но могу показать модную ушанку, которая очаровала жюри конкурса!

Василий пошарил вокруг, покряхтел, камера попрыгала и наконец появилась ушастая голова с серпом и звездой посередине. Шапка была белая, уши черные, а звезда с серпом – золотые.

– Крутая, да? Тренд сезона: «Звездатая ушанка – крути уверенно баранку!» Это все золотые ручки Гузи Шэп, ссылка на ее швейное производство в самом низу, не упустите шанс стать самым стильным козлом на деревне, ха-ха-ха!

Василий на мгновение замер, забыв, что снимает сторис. Он выпучил глаза и не мог вымолвить ни слова: из леса выбежали обгоревшие бараны, а за ними неслась тень с косой и факелами.

Бараны, не проронив ни единого «бэ», проплыли мимо, а Василий вытер пот и быстро выключил камеру.

«Вроде не пил совсем! Может, они что-то подмешали в пиво? Ох уж этот директор! Вот и пиарь его после этого!»

Он завел комбайн и поехал домой.

В тот вечер стычек с женой не было. Василий боялся, что если расскажет о своем «видении», то она его высмеет на весь инстаграм.

Председатель с женой в обнимку шли по дороге, тихо напевая: «Не стареет сердце никогда...» Они тряслись от страха и холода.

Их карета со скакунами повалилась в овраг. Откуда ни возьмись поднялся ветер, лошади испугались косы и факела...

Председатель сетовал, что, как назло, никто не проезжает мимо, а ведь по традиции вечером все возвращаются домой.

– Шайтан их, что ли, всех распугал... Надо завязывать с выпивкой... – бормотал Фнун Нафикович, а жена, Люция Шигибаловна, заикаясь, поддакивала.

На перекрестке они остановились, вцепившись друг в друга.

Там стояла горелая кенгуру и наблюдала за ними. Она погладила животик, наклонила голову вправо, как бы прикидывая, что с ними делать, и постучала по животу.

Чета замерла.

Кенгуру прыгнула вперед, председатель с женой кинулись врассыпную. Их вопли раздавались по полю, распугивали воробьев и затопляли почерневшее небо.

Прокурор никак не мог успокоиться – перед глазами прыгали кенгуру.

У дома он проверил машину: была трещина на стекле и помятая крыша. Когда укладывался спать, в дверь громко

постучали.

– Спасите, помогите, это полное нарушение прав человека! Нападение кенгуру на главу села! Это заказное убийство! Я уверен, против меня начался заговор!

Зубазга Мозгарович открыл дверь, и председатель рухнул на пол, измазанный грязью, мокрый. Рубашка на нем растегнулась, а штаны...

Прокурор остановил взгляд на порванных штанах с прилипшими колючками.

– Разберемся! – Зубазга Мозгарович помог председателю подняться и повел на кухню.

– А где моя жена? – Фнун Нафикович умоляюще посмотрел на прокурора.

– Она не дома?

– Я потерял ее в лесу. Кенгуру, наверное, ее проглотила, она такая огромная. Они едят людей? – глаза председателя были совершенно безумными.

Прокурор позвонил в полицию и попросил обыскать лес.

– Ее найдут! – заверил он председателя.

А тот заозирался с виноватым лицом.

– Выпить бы, нервы успокоить?

Прокурор налил ему водки.

Фнун Нафикович выпил, расслабился, покраснел, застегнул пуговицы на рубашке и нервно заулыбался:

– Не найдут – будет новая жена, молодая. Незаменимых же нет, да? На все воля Аллаха! Пусть найдут... А нет –

так нет... – бормотал он в забытьи, а прокурор все записывал.

Ох, уж эти татарские плясовые! Никто не может устоять! Что за сабантуй сегодня вечером в клубе! Гульчачак с Айгуль в центре пританцовывают и бесконечно хихикают! Только Аллах знает, о чем же они там секретничают и что их рассмешило.

Часть восьмая

Стайка правительственных машин неслась в Казань по мосту Миллениум. Пресс-секретарь президента Татарстана передал ему обращение, которое срочно нужно было подписать.

– Просим оказать содействие... в поиске австралийских гусей и обеспечить им целостность и безопасность в случае пересечения вашей границы? Направить в Финляндию, Дагестан, Чеченскую республику?..

Президент сдвинул брови и какое-то время молча держал бумагу, а потом раздраженно сказал:

– В Татарии – гусиный дефицит? Заменить нельзя, что ли?

Гнев президента накрыл секретаря, тот пропищал:

– Таких гусей у нас нет. Это эксклюзивные гуси. Жемчужина австралийского птицеводства, скрещенные с самыми редкими птицами мира. В Австралии у каждого гуся своя государственная нумерация, они внесены в Красную книгу и в книгу Рекордов Гиннеса, как самые прекрасные гуси в мире! Окраска у них небесная, нежно-голубая. Если они узнают, что мы их потеряли, то будет международный скандал! Скажут, вы даже гусям безопасность обеспечить не можете! Как же вам доверить наши миллиарды? Это позор республике!..

Секретарь ещё что-то затравленно бормотал, а президент

уже выдохнул гнев и начал подписывать бумаги.

– А если они узнают, что мы обратились за помощью к другим странам? – он посмотрел на секретаря.

– Ну что вы! Это же под грифом «секретно»!

– Известно, как у нас хранятся секреты! Пукнешь – и все сразу знают, где пукнул, как пукнул и с кем пукнул! – проворчал президент.

– Я понимаю вас. Мы сделаем все возможное, чтобы не было утечки. Но служба безопасности заметила, что гуси пересекли границу, а в Финляндии они потеряли сигнал. Поэтому ищем везде, – заискивающе улыбнулся секретарь.

– Земфира, сахара мало в кофе! – нажал на вызов прокурор.

Он никак не мог начать работать – глаза слипались. Председатель уехал только под утро, точнее, его увезли, погрузив в лексус.

– А если закрыться к чертовой матери и поспать? Или опять будут сниться кошмары? – шептал Зубазга Мозгарович, поглядывая одним глазом на раскладушку, а другим пытаясь изучить отчет следователя Рушана.

Которую ночь прокурору снился один и тот же сон: он едет на машине, а рядом по дороге скачет кенгуру, которым управляет гусь. Тот самый, голубой.

Гусь сидит на плече кенгуру. И прокурор удивленно спра-

шивает кенгуру: куда, мол, те направляются? И кенгуру весело отвечает: «Куда, куда! На сабантуй!».

А гусь подхлестывает кенгуру и добавляет: «Алга-а, алга-а-а!»¹⁰. И они исчезают за поворотом.

Вы скажете, причем здесь кошмар? Очень веселая картина?

Но сон на этом не заканчивался.

В нем прокурор приезжал на работу, в его кабинет врывалась бледная и зареванная секретарша Земфира и дрожащими руками протягивала ушки кенгуру и залитую кровью голову гуся, рыдая в голос:

– Шурале¹¹ растерзал наших подопечных!

Прокурор удивленно открывал рот, желая ответить, но просыпался.

Бабушка Апанас снова ходила к председателю за пенсией, но того опять не было на месте.

– В запой ушел! – посетовала бабушка, встретив соседку Зулю с мужем Фирдусом.

Старушки обнялись, похвалили новые халаты друг друга и похвастались блестящими галошами мейд ин Кытай.

– Салям, как дела?

– Да вот думала пенсию сегодня получить, а этого снова

¹⁰ С татарского: вперед.

¹¹ Лесное чудовище из татарских сказок.

нет! – махнула рукой бабушка Апанас.

– И долго еще не будет! – засмеялись соседи.

– А что случилось? – бабушка Апанас наострила ушки.

– Ты не слышала, что на их карету кенгуру напали? – соседи схватились за животы. – А наш председатель от страха в штаны наложил, всю карету залил, карета не справилась и прямо в болото рухнула!

– Ах, Аллах! А с председателем что? Умер? – округлила глаза Апанас.

– Еще какой живой, даже к прокурору ходил жаловаться. Бедный наш прокурор, чего он только не повидал на своем веку!

Разговаривая, соседи шли по улице и как раз дошли до дома председателя.

– Фирдус, нам пора ремонт делать. Кто женится на нашей Лилечке с такой хижинкой, как у нас? Вон у председателя – четыре этажа! – нахмурилась соседка Зуля. – Поэтому и женихи к ним часто навещают! Да какие: один депутат, второй бизнесмен, третий, правда, помельче, сын председателя соседнего колхоза, но не тракторист, как у нашей. Сколько говорю: бросай ты своего алкаша! А она мне: он не алкаш, люблю и точка! Надо принимать меры, отец!

– Мы только закончили третий этаж, карга ненасытная! Не хочу! И почему я должен строить дом для зятя? Пусть сам и отстраивается, он мужик или как? – насупился Фирдус.

– Ай, вон как ты запел! А полгода назад другие мотивы

были! Отстроим и будем приглашать на смотрины, не стыдно будет! Лицемер! Лентяй! Лишь бы пузо растить! – Плюнула соседка и, выпятив грудь, отправилась домой.

А за ней потянулся и муж.

Бабушка Апанас зашла в магазин за мукой. Внучка снова собралась готовить кыстыбый, и это было очень подозрительно.

Бабушка давно раскусила Гульчачак: после каждой шалости она пекла кыстыбый, а вид у нее при этом был очень довольный и с озорным лукавством.

Жена председателя лежала в кровати. Ее осматривал врач. Люция Шигибаловна была напугана, постоянно оглядывалась по сторонам и вскрикивала при каждом прикосновении доктора.

– Тише, тише. Где болит? – спросила врач Рузалия.

– Сердце болит! Душа болит, Рузалия! Умираю! – с горечью выкрикнула женщина.

Желтые кудряшки трепыхались на подушке, рот в форме трагичной подковы стонал и возмущался.

– Отчего болит? – Врач села на стул, взяла запястье пациентки и начала измерять пульс.

– Как отчего? Заговор против нашей семьи, моего уважаемого мужа! Только никому не говорите об этом! – Люция Шигибаловна вытаращила глаза и шепотом продолжи-

ла. – Вчера на нас напали бараны! А потом кенгуру! А после на меня в лесу напал шурале!

Она закрыла рот рукой и снова разрыдалась.

– Сам шурале? – правая бровь врача приподнялась.

– Да! Я едва не сошла с ума! Я вот этими глазами видела его длинные руки! Вот такие ветки! – Она раздвинула руки. – Он злорадно хохотал и хлестал меня. Видите порезы! – Люция Шигибаловна указала на лицо.

– Вам нужно успокоиться, сейчас я сделаю укол, и шурале исчезнет, – улыbnулась Рузалия.

– Вы не верите! – залилась слезами Люция Шигибаловна. – Только в психушку не закрывайте меня!

Больная заверещала, и врач попросила медбратьев держать ее, пока она колет успокоительное.

После жена председателя затихла.

– Ну вот, все прошло, – погладила ее руку врач. – Шурале больше нет.

– Есть. Он сказал, что вернется, если...

– Если?..

– Если мы... Если мы... – больная запнулась и растерянно посмотрела на врача. – Не погасим звезды. А как это?

Люция Шигибаловна выпучила глаза.

– Ваш шурале – татарский Дон Кихот, что ли?.. – врач пожал плечами и попрощалась.

На улице начался сильный дождь. По стеклу то и дело хлестали струи воды, стучали ветки деревьев, но Люция Шиги-

баловна уже ничего не слышала: она глубоко спала в окружении своих пяти котов и остывающего самовара.

Прокурор собрался уходить домой, когда ему позвонила Рузалия.

Она всегда рассказывала ему странные сюжеты из своей врачебной практики. Для консультации и просто для беседы.

– Слушай, знаю, что поздно, но просто хотела рассказать про странные психические отклонения у одной мадам. Я пока не хочу принимать меры, не знаю, как поступить. У тебя не было случайно жалоб на... шурале?

Зубазга Мозгарович чуть трубку не выронил от неожиданности.

– Пока нет, – он растерялся и чуть не расхохотался в трубку от мысли, что вполне вероятно и это случится.

– Просто тут одна пациентка жалуется, что видела его в лесу. Короче, если будут инциденты, то дай мне знать, вдруг это не единичный случай?

– Хорошо. А что за больная?

– Извини, пока не стану раскрывать, вдруг это просто усталость и... Ну, сам понимаешь, всякое бывает.

– Да, понимаю. Тогда пока!

Он положил трубку и уже хотел было встать, как «екнул» его ватсап.

«Привет. Что-то ты запропал совсем», – написала Эльви-

ра Каннская.

«Дела».

«Да уж... В болоте много дел... Тут чистка идет, я тебе место подыскала. Жирное. Бросай своих гусей и приезжай в Москву».

«Я сто раз тебе говорил, что женщина должна следовать за мужчиной. И если ты хочешь быть со мной, то ты должна сюда переехать», – написал прокурор и поморщился.

«Ну что ты там потерял в этом Пукове!»

«Кукморе! И мне нравится моя работа! Это не работа, а просто настоящая татарская сказка!»

Прокурор вышел из ватсапа, быстро попрощавшись с Эльвирой.

И тут распахнулась дверь и появились... кастрюльки.

– Сегодня гуляш с рисом, – неуверенно пролепетала Земфира, прячась за подносом с посудой.

– С удовольствием! – Зубазга Мозгарович расчистил стол и выключил телефон. – Ужин с вами – для меня честь! Заодно обсудим ваши гениальные версии преступления!

Земфира тут же расстелила белоснежную скатерть с ручной вышивкой, разложила расписные деревянные ложки, даже тарелки для супа источали татарский колорит: в центре на дне ванильной чаши охранял границы крепости змей Зилант с копьём в зубах.

Прокурор задумчиво наблюдал, как челюсть стражника стремительно накрывает гуляш с рисом. В его воображении

Змей тоже был голоден.

Горячий пар заструился из недр блюда, Зубазга Мозгарович решительно схватил ложку и страстно зачерпнул угощение, чем умилил своего заботливого секретаря до слез.

Часть девятая

Следователь Рушан стоял у окна дома Гульчачак и слушал песню Ансара Курбалиева о том, что каждый раз, когда его любимая желает ему доброго утра, он млеет и обещает ей, что их любовь – навсегда, до скончания времен.

Гульчачак месила тесто, растирая муку с маслом, и на мгновение растерялась, когда увидела следователя в окне.

Не вытерев руки, она выбежала из дома.

– Привет, повариха. Опять кыстыбый лепишь? Я уж забыл их вкус... – Следователь Рушан облокотился о калитку.

– Зато вкус соседских ты хорошо знаешь, – скривилась Гульчачак.

– Да ладно тебе, не ройся на дне мешка! – следователь нахмурился, уверенно распахнул калитку, как когда-то давно.

Гульчачак разволновалась.

– Ты давай, говори, чего надо и проваливай! Тесто ждать не может! – затараторила она.

Рушан подмигнул девушке.

– Я и не тороплюсь. Разговор у нас с тобой долгий. Заодно отведаю твоего фирменного кыстыбья, помогу картошку почистить. Я же пюрешный гуру!

Но Гульчачак стояла в дверях и не хотела его пускать.

– Ты по работе, что ли, гуру? Что-то случилось?

– Да задам несколько вопросов и все. А то слухи разные ходят. Хочу удостовериться, что это враки.

Рушан шмыгнул носом и озорно улыбнулся, как в прежние времена.

– Ты меня официально допрашиваешь, что ли? Ты же уже бабушку помучил.

– Пока неофициально. По старой дружбе. Остались вопросы к тебе. – Он покрутил во рту незажженную сигарету.

У девушки забегали глаза, и она пригласила его войти.

Скоро Рушан уже по-свойски чистил картошку и шутил с Гульчачак:

– Значит, к тебе пристаёт председатель, и ты решила ему отомстить?

Следователь надул губки, изображая девушку. Гульчачак от неожиданности чуть не уронила сковороду.

– Это кто тебе такую чушь рассказал? – Она уперла руки в бока.

– В деревне сложно утаить, ты же знаешь. Если что-то скрываешь, то лучше расскажи сейчас. Я же не враг. Я пришел по старой дружбе и с желанием помочь.

Он отложил нож, пригладил рыжие волосы. Его серые глаза излучали тревогу.

– Не чеши то, что не чешется! – Гульчачак с грохотом поставила сковороду на газ, схватила нож и начала свирепо его точить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.